

ЛОХВИЦКАЯ, в замужестве *Жибер*, Мирра (по метрическому свидетельству *Мария*) Александровна [19.XI(1.XII).1869, Петербург -- 27.VIII(9.IX).1905, там же] -- поэтесса. Дочь известного адвоката А. В. Лохвицкого, сестра писательницы Н. А. Тэффи. Окончила Московский Александровский институт (1888). Стихи начала писать, по собственному признанию, "с тех пор, как научилась держать перо в руках, и еще ребенком распевала песни собственного сочинения, но серьезно предалась этому с 15 лет" (Север.-- 1897.-- No 44.-- Стлб. 1406). Одно из первых литературных знакомств, завязанных самостоятельно,-- Вас. Ив. Немирович-Данченко, он вспоминал о ранних литературных опытах Л.: "Это была сама непосредственность, свет, сиявший из тайников души и не нуждавшийся ни в каких призмах и экранах" (Немирович-Данченко Вас. Ив. На кладбищах.-- Ревель, 1920.-- С. 146). Дебютировала, издав отдельной брошюрой два стихотворения -- "Сила веры" и "День и ночь" (М., 1888). По окончании института переселяется в Петербург. Первая публикация в периодике в журнале "Север" (1889), с нач. 90 гг. печатается также в журналах "Художник", "Труд", "Всемирная иллюстрация", "Русское обозрение" и др. В 1892 г. вышла замуж за Е. А. Жибера, имела 5 детей, умерла от туберкулеза.

Главной темой творчества Л. была любовь. Ее стихи носили исповедальный характер, в них много биографических реалий. Первый сборник "Стихотворения" (М., 1896) посвящен мужу, в него включены стихи, обращенные к сыну. "Долго любуюсь тобой перед сном, / Я созерцаю, любя, -- / Небо во взоре невинном твоём, / Рай мой в глазах у тебя..." В этом сборнике любовь предстает как светлое чувство, приносящее с собой радость материнства. Строку "Это счастье -- сладострастье" критики цитировали особенно часто. "Нельзя в более яркой, оригинальной и красивой форме,-- писал А. Голенищев-Кутузов, по представлению которого сборник был награжден половинной Пушкинской премией,-- выразить порыв молодой и страстной любви, не верящей в возможность преград и смело заявляющей о своей всепобедной силе" (Отчет Императорской АН о 12-м присуждении Пушкинских премий.-- С. 10).

Второй сборник "Стихотворения. 1896--1898" (М., 1898) создавался на фоне "широко нашумевшего в литературных кругах" романа Л. с Бальмонтом (см.: Перцов П. П. Литературные воспоминания.-- М., 1933). Здесь возникает тема греховной, губительной страсти, пробуждающейся вопреки велениям долга (эпиграф "Amori et dolori sacrum" -- святилище любви и скорби (*лат.*). Стихотворение, написанное в ответ на посвящение К. Бальмонта ("В твой альков я цветов принесу для тебя"), где были строки: "О, пойми, -- не объятий я жажду твоих,-- / Жду восторгов нездешних и ласк неземных, / Чтобы взоры, как звезды, остались чисты, / Чтоб несмятыми были под нами цветы...", придало диалогу двух поэтов публичный характер, что современники были склонны ставить в один ряд с эпатажными выходками ранних символистов (З. Гиппиус, В. Брюсова). В. Брюсов усматривал в стихах второго сборника и идейное влияние Бальмонта, противопоставляя их стихам первого сборника. "Первая ее душа,-- писал он о Л.,-- всецело отразившаяся в первой книге ее стихов, ищет ясности, кротости, чистоты, исполнена сострадательной любви к людям и страха перед тем, что люди называют "злом". Вторая душа, пробудившаяся в Мирре Лохвицкой не без постороннего влияния, выразилась в ее втором сборнике, пафос которого -- чувственная страсть, героический эгоизм, презрение к толпе" (Соч.-- Т. VI.-- С. 318). Выход сборника Бальмонта "Будем как солнце" (М., 1903) с посвящением, Л. ("Художнице вакхических видений, русской Сафо, знающей тайну колдовства") придал этому диалогу еще более скандальный характер, закрепив за Л. славу "русской Сафо". Но, напр., хорошо знавший Л. в эти годы И. А. Бунин отмечал в воспоминаниях несовпадение шумной славы с реальным обликом поэтессы: "Воспевала она любовь, страсть, и все поэтому воображали ее себе чуть ли не вакханкой, совсем не подозревая, что она, при всей своей молодости, уже давно замужем,-- муж ее был один из московских французов по фамилии Жибер,-- что она мать нескольких детей, большая домоседка, по-восточному ленива, часто даже гостей принимает, лежа на софе и в капоте, и никогда не говорит с ними с поэтической томностью, а напротив, болтает очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью..." (Соч.-- Т. IX.-- С. 287).

Отношения Л. с Бальмонтом, а также ее сотрудничество в журнале "Северный вестник", которое к середине 90 гг. стало для критики опознавательным знаком, указывающим на принадлежность к символистам, дали повод объединять Л. с представителями этого литературного течения. "Северный вестник",-- писала Л. руководителю журнала А. Волынскому,-- всегда привлекал меня своим особым направлением, чуждым общей скуки, тенденции и пошлости" (ЦГАЛИ.-- Ф. 95.-- Оп. I.-- Ед. хр. 616.-- Л. 2). Издательница "Северного вестника" Л. Я. Гуревич также отметила в деловых записях, что Л. "предпочитает печататься в "Северном вестнике" перед всеми другими журналами" (цит. по ст.: Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год.-- Л., 1978.-- С. 17). Но даже в моменты организационного сближения с символистами между ними и Л. существовала дистанция. "По манере как будто примыкает к новой школе, а по настроениям всецело принадлежит к старой",-- писал Н. Минский о стихах Л. (Новости.-- 1899.-- No 28.-- 28 янв.). Символисты 90 гг. воспевали абсолютную свободу, Л. воспевала свободное чувство. Она была вполне самобытна и скоро ее пути с символистами разошлись.